

Эта фигура была одета в простую мантию цвета белого нефрита. Манжеты его рукавов были очень свободными, с отпечатанными на них серебристыми темными линиями. Он выглядел высоким, а его ноги казались длинными, придавая ему благородный и достойный вид.

Пройдя сквозь холодный туман, он не стал продолжать идти, а повернулся боком и, казалось, кого-то ждал.

Мгновение спустя двое мальчиков-слуг последовали за ним. Один из них держал в руках длинный меч, бормоча и жалуясь:

— Учитель, он действительно тяжелый.

Меч был очень красив, а ножны украшены тонкой серебряной проволокой. Но, глядя на то, как мальчик-слуга изо всех сил пытался шагнуть вперед, казалось, что меч действительно очень тяжелый.

— Не такой тяжелый, как ты~ Я возьму его, — ответил мужчина.

Услышав это, мальчик-слуга немедленно «вернулся к жизни». Он быстро выбросил меч вперед, и мужчина поймал его.

Меч легко описал несколько кругов между его длинными пальцами и снова был крепко сжат. Он повернулся и поднялся по ступенькам с мечом в руке.

Только тогда Юнь Хай понял, что на мужчине была маска.

Эта маска, как и ножны меча, была украшена очень красивыми и сложными тонкими узорами, также демонстрирующими экстравагантность. Среди Бессмертных их было так же легко узнать, как траурные серьги Тяньсю.

Юнь Хай прошептал Бессмертному посланнику Линтая:

— Он...

Бессмертный посланник Линтая тихо ответил:

— Это тот другой человек, о котором я говорил.

Когда он неторопливо поднимался по ступенькам, солнечный свет пробивался сквозь холодный туман Небесной Столицы, придавая его фигуре яркие очертания.

Юнь Хай внезапно вспомнил имя, данное ему Небесами — Чжао.

— Почему Король Духов носит маску? Какое-то табу? — снова спросил он.

Бессмертный посланник Линтая продолжил тихим голосом:

— На самом деле это не табу, просто каждый раз, когда он получает Небесный указ, он идет выполнять задание в маске.

— Что за задания?

— Только Небеса знают, — посланник больше ничего не сказал.

Юнь Хай изначально думал, что Линван, Король Духов, будет таким же холодным и неприступным, как Тяньсю, но вскоре он обнаружил, что ошибался.

Король Духов поднялся на несколько ступенек, затем внезапно остановился.

На нем была маска, но он, казалось, мог ясно видеть, так как слегка наклонил голову в сторону Тяньсю.

Он ничего не сказал, но двое его слуг поклонились Тяньсю и крикнули через ступеньки:

— Мастер, наш учитель сказал, что предыдущая шутка — это просто недоразумение, мы извинимся!

Тяньсю не выказал никакого выражения лица. Услышав их крики, он слегка пошевелился, а затем сказал:

— Забудьте об этом.

— Учитель, он сказал, забудь об этом! — мальчик-слуга изобразил улыбку.

Король Духов издал тихое «о» и приподнял нижний край своей маски, обнажив часть своего белого подбородка и носа.

Он тоже улыбнулся, затем отпустил руку, и маска снова опустилась на его лицо.

Он толкнул своего мальчика-слугу мечом, а затем пошел в другом направлении.

Возможно, это было потому, что Юнь Хай уже встречался с этими двумя в первый день своего прибытия в Небесную Столицу. У него было раннее впечатление о них до того, как он встретил других Бессмертных, и поэтому он не был глубоко затронут чужими слухами.

Таким образом, в течение следующих ста лет он стал одним из немногих людей в Небесной Столице, кто был в некотором роде дружен с этими двумя людьми.

Его отношения с Небесным Бессмертным Тяньсю были немного легче, в конце концов, у Тяньсю был свой необычный темперамент. Кроме того, из-за того, что он отвечал за наказание и прощение, к нему почти не было личной привязанности.

Его отношения с Королем Духов Линваном были немного лучше, в том числе и из-за его характера.

Несмотря на то, что он был дружен с ними, Юнь Хай все еще некоторое время испытывал любопытство: было очевидно, что Король Духов не был холодным и необщительным человеком. На самом деле, он был полной противоположностью — он был человеком, который любил живое веселье. Тем не менее, по какой-то причине он предпочел жить в довольно отдаленном районе.

В огромной Небесной Столице насчитывались десятки тысяч Дворцов Яо. Но он жил дальше всех от остальных бессмертных. Это было не только уединенное место, но и рядом с платформой уничтожения бессмертных, которую все избегали.

Перед этим он спросил Короля Духов:

— Это то место, которое тебе нравится?

Линван ответил:

— Оно подходит.

Однажды он также упомянул об этом Хуа Синю, который ответил:

— Я не знаю, у него, вероятно, есть свои причины.

Линтай и эти двое не имеют ничего общего друг с другом, а Хуа Синь был из тех, кто не проявляют любопытства к другим. Поэтому, когда они были вместе, они редко говорили об этих вещах.

Чаще всего Юнь Хай пытался сделать учителя счастливым.

... или несчастным.

Возможно, когда Хуа Синь пришел за ним, выражение «ни печали, ни радости» слишком надолго застряло в его сердце, так что на какое-то время у него появилась навязчивая идея.

Он хотел, чтобы на лице его учителя появилось какое-то выражение. В отличие от нежных улыбок божественных статуй и портретов, он хотел настоящего счастья или гнева...

Все лучше, чем ничего.

Иногда, когда он радовался, потому что заставлял учителя смеяться, он также и сам в своем сердце...

Это тоже показалось ему странным.

В мире смертных он усердно трудился над самосовершенствованием в надежде, что однажды сможет войти в Небесную Столицу. Но теперь, когда он действительно был здесь, он делал все, что в его силах, просто чтобы попытаться рассмешить самого Бессмертного Главу.

Он много раз терпел неудачу, но и много раз добивался успеха.

Даже Бессмертные посланники начали говорить, что Бессмертный Глава, похоже, стал другим, чем раньше.

Однажды он посмотрел на то, как смеялся Хуа Синь, и подумал про себя: «Жить вот так со своим учителем в течение нескольких десятилетий довольно приятно. По крайней мере, намного лучше, чем нищий, которым я был, когда был смертным».

Но позже он обнаружил, что это не работает.

Юнь Хай отвечал за радость и печаль смертных, по сути, единственный Бессмертный, которому больше всего приходится иметь дело со смертными. Неизбежно ему пришлось встретиться с теми, кого он когда-то поклялся убить.

Он избегал их три раза, но на четвертый больше не мог сдерживаться.

Изначально предполагалось, что эти люди проживут долгую жизнь, что разозлило его еще больше. Он убил их всех.

В общей сложности тридцать один человек, что все еще меньше, чем число членов его семьи, которые были убиты вместе с его отцом.

Убив их, он опустился на колени перед Линтаем, ожидая Небесной Кары.

Это был первый раз, когда он увидел Хуа Синя в ярости.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://bllate.org/book/12946/1136629>